

— Он сказал, что этот мальчик только сегодня узнал его имя. Как он может привести его домой, если они так далеки друг от друга? — Линь Шуин вздохнула. — В классе все, кто с ним близок, знают, что он влюблен в этого мальчика, но никакого прогресса нет.

— Если прогресса нет, значит, А Чжи еще не решил, как подойти к этому, — Чжу Цзин даже рассмеялась. — Мне стало интересно, что это за мальчик. Уже больше двух лет прошло, и даже такой сообразительный, как А Чжи, не смог его завоевать?

Линь Шуин тоже рассмеялась, поддавшись настроению подруги. Немного посмеявшись, она снова заговорила:

— Я просто надеюсь, что А Чжи сможет привести его домой, чтобы мы могли увидеть, какой он, и успокоиться.

Чжу Цзин утешила ее:

— Не волнуйся. Если А Чжи влюблен в него так долго, значит, он действительно хороший мальчик.

Фан Чжи уже добрался до кухни. Увидев, как много людей там суетится, он удивился.

Оказывается, в обычных семьях столько поваров и кухарок. В их доме на кухне всего четыре человека: два повара, одна кухарка и он сам.

Кухарка Ли издали заметила, как Фан Чжи медленно вошел на кухню, и тут же сказала:

— Молодой господин, выходите, здесь дымно.

— Тетя Ли, — Фан Чжи улыбнулся. — Все в порядке, я привык. Как дела?

Кухарка Ли знала, как семья Гу любит единственного сына семьи Фан, и, вытерев руки о фартук, протянула ему горсть луньяня:

— Все почти готово. Если хотите что-то перекусить, берите. Мои руки всегда в масле, так что не буду вас угощать.

Фан Чжи засмеялся:

— Хорошо, занимайтесь своими делами, не обращайтесь на меня внимания.

Он немного побродил по кухне, но вместо помощи его стали выгонять. Фан Чжи быстро съел луньянь и, заметив рядом сочные красные личи, сорвал несколько плодов.

— Молодой господин.

— Да? — Фан Чжи обернулся и увидел, как кухарка Ли несет ему маленькую фарфоровую чашку. — Попробуйте этот суп, как вам вкус?

Фан Чжи хотел взять чашку одной рукой, но кухарка Ли остановила его:

— Горячо. Одной рукой не удержите, возьмите двумя!

Фан Чжи положил личи на стол и взял чашку обеими руками. Дно чашки, которое держала кухарка Ли, было скользким, и он едва не уронил ее. Медленно подув на суп, он начал пить его

маленькими глотками, хваля:

— Какой вкусный, тетя Ли. Это грибной суп?

Кухарка Ли улыбнулась:

— Да, грибы сегодня утром собрали в горах. — Она оглядела кухню. — Выходите, здесь вам нечего делать, не задыхайтесь. Я скоро пойду в сад за персиками, добавлю личи, луньянь и вишни, чтобы вы могли перекусить фруктами после ужина.

Фан Чжи поблагодарил ее. Закончив суп, он еще немного поболтал с кухаркой, взял личи и медленно направился в зал. По пути он чистил и ел личи, наслаждаясь их сочной сладостью.

Осматривая дом Гу, Фан Чжи заметил, что, хотя общая планировка осталась прежней, мелкие детали изменились. Его внимание привлекла фигура, быстро проходящая мимо ворот. Присмотревшись, он узнал в ней служанку Чжу Цзин по имени Шаояо.

Фан Чжи помахал ей:

— Шаояо, твоя заколка сегодня особенно красивая.

Шаояо, увидев Фан Чжи, на мгновение замерла, но тут же изменила направление и подошла к нему:

— Молодой господин Фан, как вы здесь оказались?

— Я пришел на ужин. Разве тетя не сказала вам?

Шаояо показала платье, которое держала в руках:

— Наверное, я была в лавке за шелковым платьем и не слышала.

Фан Чжи кивнул:

— А сейчас куда направляешься?

— Сначала отнесу это платье, а потом помогу на кухне, чтобы вы поскорее поужинали! — С этими словами она быстро пошла дальше, ее шелковый мешочек на поясе слегка ударился о тонкую талию.

Фан Чжи улыбнулся, попрощался с Шаояо и продолжил идти в зал, наслаждаясь личи. Вид улыбки Шаояо невольно заставил его мысли вернуться к Чу Сяннаню.

До сегодняшнего дня Чу Сяннань всегда казался Фан Чжи холодным и недоступным, словно цветок на высокой горе. Академия Боя, где они учились, предлагала обширную и глубокую программу, и обучение длилось три года. Уже прошло более двух с половиной лет, и за это время Чу Сяннань не завел ни одного близкого друга. Он никогда не называл других по имени, и постепенно о нем начали говорить как о холодном, высокомерном и самовлюбленном человеке.

Но Фан Чжи знал, что это всего лишь слухи.

Многие восхищались Чу Сяннанем, как мужчины, так и женщины, но все попытки сблизиться с ним заканчивались неудачей. Фан Чжи, хотя и не решался действовать, понял за эти два года,

что, как бы он ни старался, как бы ни преуспевал в учебе и ни привлекал внимание, Чу Сяннань оставался равнодушным.

Но сегодня все было иначе.

Мысль о том, как Чу Сяннань сегодня мягко назвал его по имени, заставляла сердце Фан Чжи биться чаще, а его обычно спокойный разум едва сдерживал крик радости. Он наслаждался сочной мякотью личи, и улыбка не сходила с его лица, а внутри он чувствовал себя слаще, чем эти плоды.

Но почему Гуань Юэ так близок к Чу Сяннаню? Фан Чжи слышал, как Гуань Юэ много раз называл его «Сяннань», и его тон был слишком знакомым.

Что ж, какая разница? Ведь сегодня с «цветком на высокой горе» обедал он.

Фан Чжи снова почувствовал прилив радости и вскоре добрался до зала. Он поклонился четверем старшим и сел в стороне, погружившись в свои мысли.

Мужчины обсуждали дела бизнеса и военные истории, женщины говорили о личном. Линь Шуин, восхищаясь изумрудной заколкой в волосах Чжу Цзин, хвалила ее, а Чжу Цзин с улыбкой сказала:

— Шуин, подожди минутку. У меня есть недавно купленная заколка из жемчуга и нефрита, элегантная и роскошная, она тебе очень подойдет. Я сейчас принесу ее!

Они были подругами, и обмен украшениями был для них обычным делом. Линь Шуин не стала отказываться и с улыбкой ответила:

— Хорошо, спасибо заранее!

Чжу Цзин притворно рассердилась:

— За что благодарить?

И вышла из зала.

Линь Шуин, сделав глоток цветочного чая, вспомнила о сыне. Увидев, как он задумчив, она поняла, что он думает о своем возлюбленном. Она позвала Фан Чжи, и они продолжили разговор, прерванный ранее Фан Лицзе.

Но мирная атмосфера была нарушена резким криком Чжу Цзин.

Она вбежала в зал, слегка растрепанная, и, спотыкаясь, подбежала к Гу Цзы, крича:

— Ожерелье! Мое ожерелье пропало!

Ранее уютная атмосфера в доме Гу сменилась тяжелым напряжением.

Два охранника привели в зал двух человек и сообщили Гу Цзы:

— Господин, с полудня до вечера только у этих двоих нет полного алиби. Они здесь.

Фан Чжи, взглянув на них, удивился: это были знакомые, которых он видел сегодня — кухарка Ли и служанка Чжу Цзин, Шаояо.

Семья Гу, семья Фан, Фан Чжи и другие слуги, уже оправданные, стояли вокруг, а все взгляды были прикованы к двум женщинам в центре.

Гу Цзыи, мрачный и величественный, с руками за спиной, излучал ауру непобедимого генерала, который мог разрубить железо одним ударом. Он стоял высоко, смотря на двух женщин, стоящих на коленях, и грозно произнес:

— Что вы можете сказать в свое оправдание? По правилам дома, за кражу ожерелья госпожи — пятьдесят ударов палкой и изгнание из дома!

Кухарка Ли, все еще в старом фартуке, дрожала, стоя на коленях:

— Господин, госпожа, я действительно не брала ожерелье! Я сегодня даже не подходила к вашим комнатам, это не я, правда!

Шаояо, со слезами на глазах, умоляюще сказала:

— Госпожа, я служу вам так долго, я предана вам всем сердцем! Я не брала ваше ожерелье! Умоляю, расследуйте это!

Гу Цзыи вздохнул и, обратившись к задумчивому Фан Чжи, тихо сказал:

— А Чжи, сможешь мне разобраться?

<http://bllate.org/book/16491/1498719>